

ПО ТРОПЕ ВСЛЕД ЗА ФЕДОРОМ ШАПОШНИКОВЫМ

И.А. Филус

Алтайский государственный природный заповедник

« А та тропа, что нас в тайгу вела,-
Она потом о нас напомним людям...
Пусть мы с тобой бессмертными не будем –
Бессмертными останутся дела».

П. Комаров

Ф.Д. Шапошников

Приступая в 1978 г. к работе териолога в Алтайском заповеднике, мне немало времени довелось провести за чтением статей, научных отчетов, программ, дневников и других документов моих предшественников. Ведь прежде, чем двигаться самостоятельно по тропе науки, необходимо знать то, что сделано до тебя. В.В. Дмитриев, А.М. Колосов, С.С. Туров, С.С. Фолитарек, П.Б. Юргенсон, Г.Д. Дулькейт, Ф.Д. Шапошников, А.Г. Костин, Д.В. Житенев, Г.Г. Собанский, Ю.Ф. Марин, В.А. Шилов, В.В. Баскаков шагали впереди. Каждый из них отдал Алтайскому заповеднику часть своей жизни, кто-то больше, кто-то меньше, но все они оставили заметный след на его тропах. Читая на пожелтевших страницах дневников описания маршрутов, мне казалось, что я иду за зоологами следом, слышу шорох от потревоженных их руками веток, вижу еще не высохшие отпечатки сапог на гли-

не. Я знала, что никогда их не догоню, никогда не увижу, ибо расстояние между нами – десятки лет, и была им благодарна за то, что они прошли впереди, обозначили тропу, по которой теперь можно двигаться быстрее и дальше.

Из перечисленных имен – Федор Дмитриевич Шапошников – звучит для меня особенно значимо не только за его разносторонний научный вклад в изучение фауны Горного Алтая. Долгое время я переписывалась с его вдовой, Валентиной Александровной, поведавшей много интересного об их жизни в заповеднике и приславшей мне дневники мужа за 1937-1941 гг. Читая дневники, я убедилась, что Федор Шапошников был эрудированным ученым, с прекрасной университетской подготовкой: его научные записи, насыщенные латынью – настоящий клад для зоологов разных профилей. Но в дневниках есть и записи другого плана, личного, - характеристики событий, описание впечатлений, выплеск эмоций. Именно эти записи я привожу в настоящей работе, они позволят читателю представить Федора Шапошникова, неутомимого полевика, человека сильного, целеустремленного, страстно влюбленного в горы Алтая. Человека с солнечной улыбкой.

Выдержки из дневников приведены в хронологическом порядке, в некоторых случаях допущены сокращения, как правило, там, где поврежден текст или не расшифрованы отдельные слова. Редактирование позволяла себе лишь в исключительных случаях, когда была уверена в описке. Записи предваряются комментариями.

Если нанести на карту Алтайского заповедника маршруты Ф.Д. Шапошникова в 1937-1941 гг., то они как паутина «оплетут» практически всю его огромную, более чем в 1 млн. га терри-

торию. Особенно густо «паутина» покрывает верховье р. Большой Абакан («Коль-Тайга»), бассейн р. Чульча, Шавла и верховье р. Чулышман. В бесснежное время года экспедиции осуществлялись на конях, зимой – на лыжах: по Телецкому озеру передвигались на больших весельно-парусных лодках – карбасах и в редких случаях – на пароходе.

Основными продуктами в походах были сухари, сахар, крупы и соль. Поскольку в этот период основное направление научной деятельности – комплексное разностороннее изучение природы заповедника – предполагало инвентаризацию фауны, в экспедициях разрешался отстрел зверей и птиц, в том числе и редких. Таким образом, решался и вопрос полноценного питания в длительных и трудоемких экспедициях.

1937-1939 гг. для Ф.Д. Шапошникова прошли «под знаком» северного оленя: в этот период он работал над темой «Экология северного оленя», и «смотрел» на природу глазами этого вида, что находило отражение в его записях. Название оленя для краткости он зачастую заменяет на Rt (первые две буквы от латинского *Rangifer tarandus*), самца называет ирвасом.

В 1937 г. Ф. Шапошников в августе-сентябре предпринял поход, длительностью более 32 дней (начала записей нет) в верховье р. Шавлы. Отсутствие точных карт, опытных проводников, слабое знание территории усложняли полевые работы. Экспедицию в январе 1938 г. пришлось даже прервать.

«12.01.38. Верховье р. Коэтру. Соображения, заставившие меня предпринять обратный путь, следующие: гольцовая зона очень сильно изрезана, поиски оленя без проводника чрезвычайно трудоемки и заняли бы не менее 7 дней для полного обследования при благоприятной погоде. Количество продуктов у нас позволяло пробыть еще два дня, но назревшая медленно перемена погоды говорила за долгое состояние гольцов вне видимости. Наконец, мое здоровье стало хуже. Выехал я простуженным, и чувствую ухудшение. Для продуктивного производства работы совершенно необходима постройка избушек в требуемых районах. Все подобные выходы производить более солидно, т.е. с освобождением зоолога полностью от ненаучного багажа, придав ему рабочего. Совершенно необходим проводник, знающий местность и зимние стоянки оленя в прошлом».

Возвращение в Яйлю по озеру на карбасе едва не закончилось трагедией.

«18.01.38. Утром в 11 часов выехали с Кырся по средней верховке. На Беле не удалось попасть, т.к. мешала волна. До Челюша ехали 3,5 часа. Верховка стихла. С 16 час. до темноты шли на веслах. В Ижоне нас затер лед. Вечером при безветрии лед образовывался с большой быстротой. Ночью потянула низовка, и мимо нашего бома понесло большое ледяное поле. К утру опять подула все усиливающаяся низовка.

19.01.38. Ночь провели плохо. Было до -20° С. Лиственничные сырые дрова плохо горели, дежурили всю ночь. Утром из-за сильной верховки боялся ехать, но к часу дня решился. Проезжая Купоросную, позади увидел сильный пар, и нас догнала особенно сильная верховка. Когда до Яйлю осталось около 2-х км, то внезапно увидел ледяную шугу, тянущуюся белым зыбким полем вплоть до берега. Моментально сбросил парус и пошел на веслах встреч. Стало заливать нос и мой спутник не смог выгрести. Шуга затянула. Пробились шугой метров 50 и встали. Дальше ехать нельзя, лодку затерло. Предстояла холодная ночь во льду, если выдержит лодка беспрестанное трение льдов, а если не выдержит, то... Обдумал положение, решил ждать конца верховки, когда успокоится шуга и смерзнется. Мой спутник дрожал, сидя в своей шинели. Пока до смерзания решил обратить на себя внимание Яйлю. Поднял парус и дал 3 выстрела.

На берегу забегал народ. От пристани пошли двое, держа в руках что-то черное, но вернулись назад. Через некоторое время пошли еще двое, у меня настроение упало. Если двое вернулись, значит, от берега не пройти, а нам не дойти до берега от лодки. Но вторая пара приближалась, и к ней присоединился третий. В трубку узнал Николая Рябова с лодкой на санях. Нас спасли, бросая доски и переходя по ним по шуге. Докончил дело Ощепков, который с городской смелостью шел по доскам по волнующейся шуге. Организовал спасение Николай Рябов»

Изучая распространение довольно редкого для Алтайского заповедника северного оленя, Ф.Д.Шапошников с большой тревогой отмечает многочисленные следы браконьерства тувинцев (в тексте «сойотов», «соенов», «саянов»), несмотря на существовавший в те годы пограничный режим.

«08.07.38. Окрестности озера Итыкуль. В 200 м от устья Кара-Сулук есть гарь, где можно остановиться. Корм коням есть. Гарь, видимо, сделана искусственно, т.к. на ней постоянные стоянки сойотов давности 2-4 года. Вырублено около 120 деревьев (30-35 см, листовик). Найдено 6 станов. На станах кости зверей, конский помет и в одном случае старые лыжи. Всего насчитано по костям 9 убитых оленей, из которых 2 молодых (по остаткам нижних челюстей с непрорезавшимися коренными). Остатков рог нет, нет и шерсти. Кроме костей, принадлежащих оленям, найдены кости лося и марала, всего 11 зверей. По характеру стоянок можно судить, что последний выезд был весьма многолюден. Время года – ранняя весна, апрель-май. Зверя били на зимовке. Признаки зимней охоты следующие: 1. Лыжи, 2. Настил для спанья из таловых веток с зимними почками, 3. Очень толстые срубленные деревья и остатки, показывающие, что костер служил для тепла (без тагана), 4. Ветровые застилы для спанья, 5. Отсутствие остатков рогов.

09.07.38. Кара-Сулук. О несомненном присутствии Rt в прошлом говорят остатки убитых 9 оленей на сойотских станах. Мне приходит в голову версия, что сойоты, узнав об организации заповедника, решили воспользоваться тем, что в начале его существования охрана и пограничная охрана фактически не существовала, поэтому, организовав «большую охоту», выехали в большем числе и истребили Rt на его зимовке весной в большом количестве.

10.07.38. Г. Колыкташ. Звери [*северные олени* И.Ф.] тут зимуют, что и было мною высказано вчера на основании осмотра саянских стоянок (чем, конечно, ФШ гордится!).

11.07.38. К Каза-Яду. Свежих следов Rt нет. Найдены сойотские станы, два – оба с остатками убитого оленя, взрослого и молодого.

14.07.38. Итыкуль – верховье Каракема. По дороге – весенние стоянки сойотов.

15.07.38. Верховье Каракема. Попалось три стана сойотов, один из них свежий. В верховье Каракема в кедраче нашли зимнюю стоянку саянов, промышлявших белку.

16.07.38. Водораздел Ньян-Сору [Яхон-Сору] – Узункарасу. Прекрасные места для зимовки и для лета для Rt. Есть небольшое количество зимнего помета. Rt безусловно был, но жестоко выбит соенами.

17.07.38. Верховье р. Ньян-Сору [Яхон-Сору]. На берегах озер есть весенние стоянки саянов».

Федор Шапошников, натуралист, часами терпеливо наблюдавший за животными, был наделен страстью и азартом охотника. Разрешение на отстрел зверей и птиц позволял ему удовлетворять эту страсть.

«12.08.38. Верховье р. Тушкен. Весь день с утра в дороге. Тропа ужасна. Много времени уходит на поиски... К вечеру вымотались в конец.

13.08.38. Оэнсу(?), лог 3-х братцев, верховье р. Тушкен. Места для оленя не очень мне нравятся: мало ягеля.

Раскинув палатку, позавтракав рано утром, мы с Федосеичем вышли в гольцы Коль-Тайги. Прохладный ветерок спускался от самых снежных пятен в зеленые долины, где пушистые вершины кедрочей принимали его в свои объятия с радостным шепотом. Солнце чуть золотило острые гребешки скалистых вершин. На траве лежал еще утренний иней. Хорошо свободно дышится в горах при такой погоде. Полной грудью вдыхаешь утреннюю прохладу. Жизнь идет. Медведи, маралы уходят на дневной покой. Северный олень и бун выходят кормиться. Когда мы залезли до первых снежных пятен, солнце начинало уже припекать изрядно. Я знал, что олени держатся всегда в районе сохраняющегося снега и поэтому мы с Федосеичем тщательно пересматривали снежные поля. Вот на одном из них под навесом скалы в бинокль мы увидели следы. Оказалось, что снег был истоптан ногами большого оленя. След оленя нельзя спутать ни с одним следом другого зверя. Он индивидуален. Как резко индивидуален сам олень. У самой кромки льда, уже подтаявшего от ярких лучей, мы увидели свежий след. Мне необходимо было добыть систематический материал – безрогую самку. По следам было трудно установить, кто это был самец или самка, один или много. Все было истоптано. Мы пошли дальше осторожно против ветра. Перед нами открылось величественное поле курумов. Огромные камни преградили путь. Целый час мы лезли 300 метров, пока достигли края хребта. Под ногами метров за 200 синевой темнело озеро в каре. Из снежного пятна вытекал ручеек и падал с шумом, взбивая белую пену на глади. Справа зеленела долина Тушкена с разбросанными осколками зеркал-озер, еще ниже темнел густой кедроч, торчали серые, покрытые ягелем утесы, горизонт весь изрезан хребтами. Мы сели над озером и смотрели. Сзади нас возвышался хребет. Острыми вершинами упирались три пирамиды в небо – как три братца, мелькнула у меня мысль, и невольно поплыли воспоминания детства, братья, совместные походы, охоты, ученье в институте. Плынут миражом знакомые лица, встречи. Почти инженер, затем ученье в университете – теперь зоолог на Алтае. Федосеич прервал мои мысли легким толчком. «Смотри, олень!» - шепнул он, страстно глядя в бинокль на курумы. Я спешно потушил папироску и тщетно искал знакомые очертания. «Нет, не вижу. Давай ориентир». «Вон он, около большого камня, спускается к еланке» – шептал Федосеич, не отрываясь от бинокля. Таежные глаза острее моих городских. Из курумов под гольцами спускался на еланку северный олень, увенчанный короной. Сразу даже трудно было понять, что у него на голове. Я в жизни не представлял ничего подобного. Федосеич шептал: «Вот так рога, рога-то какие». Он впервые видел оленя, и ему еще было дивнее, чем мне. Черный лоб, белая шея с отвесом длинных белых волос, серая спина, бок и брюхо – белоснежные. Сзади снежный ком ослепительной белизны волос, разделенный темной полоской на хвосте. Черные концы ног, белые носки. Медленно, важно шел наш могучий красавец к зеленому полю. Не дошел, повернулся и направился к глубокому ложу, затемненному скалистой рёлкой. Постоял, нагнулся, подогнул передние ноги и лег. Рога точно лес. Дремлет и смотрит. Черной морды не видно на фоне березки. Мелькнула мысль: «надо попытаться сфотографировать». Дал Федосеичу условные знаки и скатился вниз. Вдруг олень встал. Ветер ли, играя, донес до него весть тревоги, сам ли захотел поесть? Пошел. Наклонился над зеленью и сощипывал верхушки травки. Я вернулся обратно, олень шел на нас. Вечерело, Медленно подходил он ближе и ближе. Стал виден каждый отросток на изумительных рогах. Приготовлена «Лейка», жадно смотрим в бинокли. Внезапно дунул ветер от нас.

Олень поднял голову и застыл. До него было метров 200. Красавец-отшельник. Долго стоял изваянием. Нет, все спокойно. Мерным шагом стал спускаться вниз, где мы продирались через ивняк и березку, спотыкались о камни, там, где на конях ни пройти, ни проехать, шел ровным шагом отшельник, неся серую корону из бархата и кости. Прошел и перевалил через бугор. Мы бегом скатились метров за 300. Олень медленно шел по березке и рысью бежал по еланкам все ниже и ниже в долину Коэтру к перевалу. Мы бросились за ним наперерез, но так чтоб красавец нас не почуял. Летим, как птица. Вдруг, стой, из-за кустов, шагов за 40 видны концы короны. Вот он вышел и встал перед нами на фоне заката во всей своей красоте. Снять не успел. Он чувствовал опасность. Поднял свой белоснежный хвостик, рысцей спустился с бугра и побежал к перевалу, затем свернул в косогор, уже шагом скрылся под гольцами. Прощай, наш красавец. Стемнело. Мы вернулись ночью, я потерял обе подметки от штиблет. Как хорошо, что Федосеич взял варенье!

14.08.38. Чуть брезжит. Коней седлаем. Надо проверить: ушел или нет. Надо посмотреть, где он пасся, надо узнать, где он провел ночь. Ветер утром дует с гольцов. Окрашены золотом вершины гор, а мы уже под гольцами. Белоснежный иней на траве. Надо теперь дожидаться, когда солнце накалит камни гольцов, и ветер подует из долины. Мы ведь теперь выше, чем олень. Проверили два перевала и район лежки и жировки оленя. Стали намечать дальнейший ход, чтоб сверху наблюдать за оленями. Вдруг среди темной березки метров за 300 мелькнуло белое. Олень! Медленно поднимался красавец из кедрача-редколесья в курумы. Вот подошел к скалистой рёлке с островками кедрачей и пропал. Нет, он стоит ниже деревьев, и что-то щиплет, видимо, ягель. Поднимается выше и выше. Мы бросились за скалу и засели в тени камней. Шаг за шагом, все ближе наш олень, затем внезапно свернул и очутился в тени угрюмых камней. Он слился с ними, – пропал. Прошло минут двадцать, солнечный луч осветил белоснежную шерсть. Поднялся красавец, пошел к нам. У нас единственное теневое место. Я знал, что он придет сюда. Все ближе и ближе. Я бросил бинокль. На «Лейке» блестит телеобъектив. Руки дрожат, я чувствую зверя. Федосеич не отрывается от бинокля и шепчет: «Рога-то, рога-то» Да, это рога! Нет, тебе суждено жить не свой срок. Ты заслужил жить сотню лет. И на тебя будут любоваться тысячи людей. Медленно шагая, поравнялся он с маленьким кедровым стланцем, надо снимать, он в фокусе. Щелкаю «Лейкой». Ближе, щелкаю еще и еще и перевожу дыхание. Руки дрожат, стук сердца как в барабан, шум в ушах. Вздрыгнул и встал, вперив прекрасные черные глаза на смертельных врагов. Расширились ноздри, направлены уши. Мотнул великолепной короной, повернулся в курумы и хотел могучим прыжком унести к скалистым гребням. Нет, ты достоин служить для науки. Резко рвет воздух выстрел. Вскидывается красавец в смертельном порыве и стремится вниз. Волочится половина ранее могучего тела. Рвет воздух выстрел. Поток хлынула кровь из ноздрей. Зарылся красавец, с треском сминая кусты. Умирая, вперились очи в голубое небо. Уткнувшись в зеленый мох, лежу и больно мне за эту жертву науки. Перерастут тебя твои дети. Стадо будет огромно. Но не сгниют в неизвестности твои кости, не размочит белоснежную шерсть, не съедят тебя черви. Будут тобой любоваться годами».

Выдержки из не отправленных писем (1938 г.).

«Уже третий день мы ищем среди скал лазейку в Дяраш-Тайгу. Грозные обрывы, угрюмые курумы защищают туда дорогу. Мы изорвались, как цыгане. Закоптелые, черные, лазим по скалам и ищем, ищем дорогу себе и коням. Завтра осталось лишь одно место. Пройдем – будем опять вдвоем полтора месяца бороздить безбрежные гольцы. Не пройдем, придется заезжать с

северного конца озера, но уже Дяраш-Тайги не видать, как своих ушей. И опять потерянные дни. Сейчас сижу на гольцах Телецкого озера в палатке и строчу это письмо. Только что прошла очередная гроза. Солнце через 15 минут спрячется за Алтын-Ту. Кромка гор уже окрасилась в золотой цвет. Алтын-Ту – Золотая гора. Все легенды о куске золота – чушь. Это выдумка романтичных исследователей, как ни красива эта легенда: да и водопада такого с Алтын-Ту нет. На самой вершине этой горы выходят на поверхность слюдистые сланцы в виде огромной гладкой плиты. При закате и восходе, зимой и летом, при рождении солнца блестит эта плита золотом в его лучах. Вот и получилась Алтын-Ту, а отсюда и Алтын-Коль (золотое озеро). Много есть мест, где есть золото в горах, а Алтын-Коль и Телецкое озеро – самое беззолотое место. У алтайцев есть много легенд, почти про каждый большой камень, свалившийся с горы, про крота и гагару, про луну. Около селенья Арту-Баш (голова порогов) в истоках реки Бии на горе есть огромная каменная плита и на ней высечено: «Перевернешь – счастье найдешь». Когда нашли ее, то собралось человек 30. Стали ворочать. Еле-еле перевернули. Ну, думают, все, клад. Копали, копали, – нет ничего. Потом посмотрели на плиту, а на перевернутой стороне опять лаконичная надпись «Перевернешь – счастье найдешь». Поматерились, посмеялись и разошлись. Пройдет сотня лет, может быть, забудут это и опять найдутся «искатели счастья».

«...Солнце близится к закату. Ярко выступают нежной зеленью иглы с красноватыми стволами – лиственницы из темного изумруда кедрочей. На освещенной солнцем полянке, где мощный строй леса разрежен и вперед кверху идут лишь одни пионеры, среди головок маральего корня светлое пятно. Кто-то поставил копну сена, оно выцвело и поблекло от времени. Но что там вертится темное у копейки? Слышно какое-то чавканье. Да она движется! Среди высокотравья пасется тройка медведей. Поблекшая мамаша с темным малышом и 2-х годовалым медвежонком. Со стараньем копают все трое копеечник и, выкопав толстый мясистый корень, сладко чавкают.

...Среди темного хвойного леса, замшелого и обросшего до кончиков веток бородачом, мрачного и сырого, крутая еланка выступает светлым кружком. Как солнечный зайчик, пущенный на стену шалуном. Желтые, фиолетовые, голубые, розовые букеты цветов. Как из погреба вылезли мы на солнечный свет. Вдруг кони с храпом шарахнулись. Сверху несется огромное, черное. С ревом вздыбился метров за двадцать медведь. Из оскаленной пасти через сверкающие клыки брызжет слюна. На задних лапах подходит все ближе и ближе. Мечутся кони. Курки щелкнули у карабинов. Ну, подходи. Молча стоим и смотрим. Огромное, жирное тело, темная шерсть трясется на складках. Развороченные, слюнявые губы, на холке дыбом щетина. Не выдержал великан, опустил на лапы, сверкнул кровавым белком и, медленно обернувшись, поплелся наверх. Затем ошетинился, снова взыграл и забрызгал слюной и опять, глухо стеной, зашелестел травой. Ушел.

...Сегодня 17 августа. Яркое солнце палит. Я лежу в палатке. Она стоит на высокотравной еланке на границе леса. Над нами громоздятся скалистые вершины со снегом. Шумит от ветра кедроч, внизу говорит речушка Коэтру. Мы в Коль-Тайге – Дяраш-Тайге. Перед палаткой стоят вешала, на них сушится мясо. Мой спутник сидит у костра, режет белое сало и топит его в котелке. На мою кошму падает тень от раскидистых великолепных рог старика ирваса. Он был слишком великолепен. Я не видел равного по красоте нигде: ни в музеях, ни на снимках. Чудовищные рога. Они покрыты еще бархатистой шерстью. Мне трудно двигаться, болен. Плохо болеть в далекой тайге. Пять дней пути до жилья. Семь дней пути до фельдшера. Гудит голова. У

меня карбункул на том месте, на котором сидят в седле. Видимо простудился. Хуже всего, что нельзя двигаться. Это был трудный путь, до Коль-Тайги. Тропа шла по скалам. Нервничаешь, глядя на коней, ежеминутно могущих сломать ногу в курумах, завязнуть в болоте меж скал.

...Жарко. Солнце печет. Мошकारа лезет в глаза. В высокой траве на еланках меж кустов березки циркуют кобылки. Громко тараторят таралки, перелетая с кедра на кедр с полными оттопырившимися зобами от запрятанных орехов. Пахнет хвоей. Прекрасное летнее время. Ягель хрустит под ногами – сухо. На небе ни облачка. Только где-то там, с севера, за далекими синими хребтами протянулась темная полоска. Она растет, ширится. Через полчаса наступает первый отряд облаков. Быстро несутся они, глотая солнечный свет. Стали охлаждаться гольцовые камни. Легкий ветерок подул в глубокие темно-зеленые долины. Сильней и сильней дуют порывы ветра. Солнце скрылось. Отряд за отрядом, все ниже и ниже несутся облака, вот они уже цепляются за верхушки хребтов и, зацепляясь, спускаются глубже в долины. Упали первые капли дождя. Птицы примолкли. Вся мошकारа давно убралась в укромные уголки. Дождь идет. Воздух охладился. Вот застучала крупа по листве. Все больше и больше ее. Ветер становится холодный, пронзительный. Стало похоже на осень. Через час крупные хлопья снега сыплются с белого зимнего неба. Уже и еланки под снежным покрывалом. Лишь заросли березки выступают сквозь туман темными пятнами. Снег идет гуще, все кругом бело. Наступила зима. Кони вырывают ногами из-под белой скатерти снега поблекшие стебли травы. Холодно, сыро. Ветер стихает. Туман спускается вглубь долин. Облака редеют, сквозь них просвечивает солнце. Появился голубой кусочек неба. Яркие лучи солнца ослепительно блестят, отражаясь от снега. Быстро, на глазах зеленеют березки. Белыми пятнами сверкают елани, и они вновь открываются вскоре. Становится жарко. Закричали таралки, пискнул конек. Лето. Прекрасное лето.

...Прибыли в южный конец озера, в урочище Атушту. Нам, т.е. мне и моему рабочему из наблюдателей надо было перебросить коней и багаж через горы, километров 10, до урочища Чири, откуда мы хотели ехать в Дяраш-Тайгу, т.е. «Красавицу тайгу». Наш путь с конями проходит в подножье горы Туалок, соседа горы Алтын-Ту. Мы выехали вечером, заранее зная, что захватим часть ночи. Тропа вьется по крутому склону градусов 70-65 и, местами, переходящему в отвесные скалы-бомы. Кругом непролазная тайга с кедром, пихтой, березой и высокотравьем. Масса красной и черной кислицы, черной смородины, таволги и прочих кустарников и кустарничков, переплетенных хмелем. Там, где топтыгин (?) не сломал кусты смородины или шиповника, ягоды висят гирляндами, красными, черными, розовыми гроздьями. Мы вышли по этой прекрасной, но [слож]ной тропе. Вечер был ясный, но [вдалеке], где-то за Туалоком гремели раскаты грома. На половине пути налетел вихрь, и все завертелось. Сверканье молний, и беспрерывный грохот и стон тайги. Мы продирались, падая, спотыкаясь о камни и завязая в грязи. С неба нас усердно поливали из тысяч ведер. Кусты и трава выливали на нас целые потоки. Временами было ощущение, что можно захлебнуться в этом каскаде воды. Всякая осторожность и страх перед кручами исчезли, притупились, осталась одна мысль – вперед. Кони дрожат и храпят от грозных ударов. Молнии сверкающими лентами ударяют над головой. Это была сказка. Я не ожидал такой мощи. Этот вечер и ночь будут памятными на всю жизнь. Среди темной ночи под вечный рокот мы переезжали вброд речку. Белой пеной опутаны лошади до брюха, ноги бороздят воду. Теперь уж все равно, чтоб не случилось, а надо добратся. Добрались. А на утро, после разгула стихии, безоблачный день, зеркальное озеро, и скопа охотится на хариуса».

В дневниках часто встречаются замечания о полевой одежде, которая подчас подводила...

«21.08.38. Верховье р. Коэтру. С обувью опять беда. Штиблеты просят каши, а «новые» сапоги, о которых было уже за полгода слышно, что «идут», за три выхода, почти отказали. Сделаны какой-то сволочью из сортирного говна.

25.08.38. Верховье р. Коэтру. На гольцы не иду из-за обуви и одежды. Все неподходящее. Нет спецовки, т.е. хорошей исправной одежды. На конях нельзя, а принимать холодную водно-снежную ванну – идти сознательно на риск заболеть. С обувью еще хуже. «Сапоги» развалились, а в штиблетах не хочу щеголять по снежной каше с водой.

07.09.38. Верховье р.Б.Абакан. Обувь наша просто безобразие. «Сапоги мои того – пропускают H₂O». Как говорят химики. У Деменева тоже одни заплатки. К 7,5 часам перевалили первую скалистую рёлку. Перед нами стена камня. Идет снег. Решаю ехать дальше, ибо если снег ляжет сухой и будет мороз, то через эту рёлку перевалить будет невозможно из-за курумов, прикрытых снегом, и скользких каменных плит... Начинает темнеть. Потеряли тропу. Еду на «авось». К счастью, пересек тропу, и мы в темноте спустились с последней скалистой рёлки...

08.09.38. Тушкен. Утром проснулись рано. Снегу выпало 20-30 см. Хорошо, что выбрались из скал вчера. Сегодня бы не прошли. Разыгрывается настоящий буран. В гольцы вылезать нельзя. К тому же давление падает. К моему несчастью, мой спутник трусоват. Вчера он совсем растерялся, когда в сумерках мы потеряли дорогу. Приходится уже быть с ним построже и не надеяться на «таежника». Сейчас надо решать проблему, ехать или ждать. Температура - 4°. Жуть. Ноги у меня мерзнут жутко. Сегодня опять надо чинить [обувь], сук прорвал голенище. К 10 часам буран стих. Выехали дальше. С большим трудом перевалили последнюю рёлку и пошли под гольцами. Снег лепит глаза, тропы нет и следа. Надеюсь больше на “звездочку”, да на свое чутье. К часу дня добрались до первого стана в Тушкене и, переждав порыв метели, перевалили в Чиринскую покоть (Кужлон)».

Весной 1939 г. Ф.Д.Шапошников предпринимает рискованный пеший поход в верховье р. Чульчи, продолжая изучать экологию северного оленя.

“23.04.39.Карасу-верховье р. Сурьяза. Снег был крайне тяжелый. Днем – кисель. На гольцах я едва не сломал ногу в коленке. Бедарев и Табакаев сломали по лыжине.

24.04.39. Пришли в Чемраду. К концу дня опять брели без лыж, но по снегу. Среди ребят паническое настроение. Все страшно устали. Я их вполне понимаю. Положение безусловно опасное.

26.04.39. Прошли до Теренколя. Дальше я не решился задерживать ребят. У всех большие семьи, а в это время час лишней может выручить. Мы же как-нибудь эти 7 км груз переправим. Весна идет прямо катастрофически быстро. Пока я пишу эти строки, передо мною потек целый ручей.

29.04.39. Итыкуль. Все же интересно складывается жизнь. Позавчера мы нашли задранного оленя. Я вырезал оставшиеся куски мяса со спины и язык, закопал в снег, но эти черти – вóроны – украли все мясо. Пришлось мне довольствоваться объедками. Параев брезгает – не ест, а я наслаждаюсь в “день ненастный” шашлыком и супом. До чего дошел – украсть у волка мясо!

07.05.39. Итыкуль. Весь день шел то дождь, то снег, безвылазно сидим в шалаше и жарим шашлык. За день слопал около 4-х кг чистого мяса!

17.05.39. Итыкуль. От мая месяца никакого впечатления. Все же на южных склонах березка набрала почку и скоро распустится, а пока лишь генцианы да примулы оживляют безрадостную картину высокогорной весны.

18.05.39. Итыкуль. За день выпадал раз 15 снег и стаивал. Нам удалось перебросить часть груза на плоту через Итыкуль. Остальные вещи придется – завтра, ибо с погодой прямо вакханалия и бог Итыкуль, видимо, на нас сердится”.

В 1940 г. Ф.Д.Шапошников работал над темой “Экология кабарги”, в записях появляется новый “кабаржинный” акцент.

“19.06.40. Боскон. Прошел тропой до левого притока Боскона. Дальше идут заросли кислицы, ольхи, молодой березки. Места для кабарги неинтересные. Поднялся на г. Артал. Здесь, на крутом склоне, покрытом старым кедром без подлеска и травянистого покрова, много поедей кабарги с веток лишайника и многочисленны копки. Кабарга, видимо, ест какие-то корешки.

21.06.40. Боскон. После часу ночи вышел на экскурсию. Ночь тихая. На рассвете встретил у засидки кабарожку. Зверек поднялся снизу к кедром, у некоторых останавливался покормиться. Кабарга легко прошла, часто останавливаясь и прислушиваясь, по стволу упавшего кедра, затем спрыгнула с комля и подошла к подножью кедра, у которого стала собирать с упавших веточек лишайник. Затем, встав на задние ноги и опершись передними о ствол дерева, захватила сухую веточку за конец, обломала ее и опять общипала лишайник. Так продолжалось минут 15-20. В 2 час.30 мин. послышался шорох и я увидел темный силуэт медведя, тихонько поднимавшегося по тропе наискось в гору. Кабарга заметила зверя и замерла в настороженной позе. Медведь прошел мимо кабарги в 25-30 метрах. Пройдя уже выше нее, он остановился, повернул голову в ее сторону, постоял с минуту, затем пристально посмотрел в мою сторону и опять пошел в гору. Кабарожка успокоилась и, покормившись несколько минут, легкими прыжками прошла вдоль склона и скрылась.

22 июня 1941 г. для Ф.Д.Шапошникова был обычным будничным полевым днем. С 5 мая он находился в длительной экспедиции в южной части заповедника. Вот запись в дневнике, помеченная этой датой.

«Утром и днем дождь, перемежается с градом и крупой, t_{max} 7. В ловушки попала *M. oesonot* 4 шт. Она расселена в пойме, на террасе, в куруме, в кустах. Везде ее крупные норы. Утром кричал чирок, и пела пеночка. В 13 час. выехали от Богояшского озера к устью. Ехали правым берегом. Долина Богояша расширяется, многочисленные бугры и озы остепнены или заболочены на плоскостях и в низинках. Масса троп емуранок и их нор. На первом завороте нашли череп *S. sibirica*. Далее видели чайку *Larus*. Не доезжая брода, видели лису. Лиса в линьке, белесая. На озерах у второго поворота встретили пустельгу, жаворонков и 2-х огарей. Нашли череп с рогами *O. otton*, погибшего 1 год назад, 3-х беркутов, краснозобых дроздов, белых куропаток, сорокопута *L. excubitor*, варакушек. Нашел 2 гнезда пустельги, видел 2-х альп. галок и кряковых. t ночью 6° С. Ясно. Днем много комаров».

О начавшейся войне Ф.Д.Шапошников узнал лишь 26 июня от пограничников. В дневнике этот день описан очень коротко и сухо, что выдает потрясение от полученной новости.

«День дождливый, идет град. Ночью кричали птенцы – молодые ушастые совы. Приехали пограничники и привезли известие о том, что 22 июня германские войска перешли границу Союза. Бомбили Севастополь, Киев, Житомир, Каунас и Мурманск. Днем препарировал лисят и птиц. Дрозды – птенцы уже оперились. Вечером кричат молодые уш. совы».

27 июня на Джулукуле, после зоологических наблюдений в дневнике

Ф.Д. Шапошников записывает:

«Приехали пограничники и опять привезли новости о войне. [Будет] 10 час. раб. день, отпуска отменены».

7 июля 1941 г. Федор Дмитриевич едва не погиб, пытаясь добыть архара (по-алтайски кочкор). На одной из сопок в верховье реки Богояш заметили несколько животных. Обойдя сопку с подветренной стороны и поднявшись на вершину, увидели еще кочкоров.

«Подошел метров за 30 сверху из-под ветра. 2 ♂ ad стояли рядом на ветру. Подкараулив третьего самца, выстрелил в него. Кочкор упал. В карабине застрял следующий патрон. Стадо исчезло. Подбежал к барану. Баран стоял на коленях. Хотел заколоть его, но получил внезапно удар рогами и потерял сознание. Очнулся метров на 60 ниже по склону. Из горла шла кровь. Кочкора не было видно. Придя в себя, осмотрелся в бинокль. Нашел стадо в 800-1000 м. 8 штук баранов шли медленно на юг к скалам. Один баран шел много ниже по склону туда же».

21 июля 1941 года Ф.Д.Шапошников получил известие из заповедника о немедленном возвращении в Атушту, которое привез Н.Г.Головин. Но только в начале августа он добрался до Яйлю.

К сожалению, нет более поздних дневников. Но нам известно, что Федор Шапошников ушел на фронт, а после окончания войны вернулся в Алтайский заповедник вместе с женой, Валентиной Александровной. Вот несколько выдержек из ее писем.

«Я не забыла нашу жизнь в Яйлю. Не было колбасы, сыра, конфет. Не было ванны, горячей воды, газа, но никогда мы и не вспоминали об этом, никогда не сожалели и прекрасно мылись в бане, иногда при керосиновой лампе...

Кстати сказать, в поселке впервые электричество проводил Фед.Дм...» «[В Яйлю И.Ф.] мы ехали насовсем. А вот как получилось».

1951 год. Черная полоса для многих заповедников. Среди 26 ликвидированных российских заповедников оказался и Алтайский.

«Трудно было расставаться, когда закрылся заповедник. И как скверно все происходило. Осень, снег. В течение двух недель нужно было все свернуть и сдать отчеты по науке... Федору Дмитриевичу предложили на выбор Мордовский и Красноярский заповедник. Ф.Д. нашел нужным оставить Дулькейту Красноярск, говоря себе, что «Столбы» – заповедник эстетический, что нечего ему там делать. В Мордовском же быстро затосковали – близко запретная зона и тоска по горам. И вот горы Аксу-Джабаглы, а леса нет, да разве можно забыть Алтай. Ведь и поселок, как одна семья... И подбил-таки Ф.Д. преподавателей и студентов [Тюменского университета, где он работал в последние годы] поехать в Яйлю, кажется в 1971 году».

Это была его последняя поездка в Алтайский заповедник.

Многие зоологи прошли по тропам заповедника вслед за Федором Шапошниковым. Многие еще пройдут, никогда не забывая о нем – о том, кто шел одним из первых.